

изучению положено в вводной статье Е. Э. Липшиц. В итоге нужно сказать, что появление русского перевода Геопоник, предваряемого вводной статьей, поднимающей важные научные проблемы, и снабженного значительным комментарием, является важным событием в исследовании этого интересного памятника и должно способствовать дальнейшему углубленному изучению его.

К. Х.

КИРАКОС ГАНДЗАКЕЦИ. ИСТОРИЯ АРМЕНИИ.

Текст подготовил и снабдил предисловием К. А. Мелик-Оганджанян. Издательство Академии наук Армянской ССР. Ереван, 1961, СХХVII + 426 стр.

Киракос Гандзакеци (родился в 1200—1202 г.) является одним из самых видных армянских историографов. Его «История Армении» начинается с периода Григория Просветителя и превращения христианства в государственную религию в Армении. Со времен царствования киликийского армянского царя Левона II (1197 г.) до 1265/6 г., когда кончается его «История», изложение ведется подробно и обстоятельно. Автор зачастую выступает в качестве очевидца.

Основная ценность «Истории Армении» Киракоса Гандзакеци заключается в подробном описании политической и социально-экономической истории Восточной Армении, Грузии и Кавказской Албании в эпоху тюрко-татарских и монгольских нашествий и владычества. Она является документом, в котором нашли свое отражение не только военная и социально-экономическая политика монголов, их система сбора налогов и налогового обложения, но и их быт, верования, обычаи, даже язык.

В своем труде Киракос Гандзакеци останавливается также на политической истории и социально-экономических отношениях Западной Армении, описывает взаимоотношения Киликийского армянского государства с Иконийским султанатом и монголами.

Труд Киракоса Гандзакеци представляет интерес и для византиноведов. В нем имеются страницы, посвященные политическим, военным и религиозным взаимоотношениям Византии с Киликийским армянским государством, нашествию орд Хулагу на Византию, опустошению ими Феодосополя, Себастии, Кесарии и других городов.

Настоящее издание является первой критической публикацией текста, осуществленной на основании 47 рукописей, хранящихся в Матенадаране и других хранилищах Советского Союза и за рубежом. В обширном и ценном предисловии К. Мелик-Оганджанян подробно останавливается на множестве вопросов, связанных как с личностью Киракоса Гандзакеци, так и с его трудом. (Приводим заголовки разделов: «Жизнь Киракоса Гандзакеци и его литературно-общественная деятельность», «Литературное наследство Киракоса Гандзакеци и вопрос о составлении и целостности его „Истории Армении“», «Источники „Истории“ Киракоса Гандзакеци», «„История“ Киракоса Гандзакеци как источник для остальных историографов XIII в.», «Литературно-художественная ценность „Истории“ Киракоса Гандзакеци», «Историографическая ценность „Истории“ Киракоса Гандзакеци».

Во втором разделе предисловия приводится детальное описание дошедших до нас рукописей «Истории» Киракоса Гандзакеци, а также библиография «Истории». Автором библиографии является А. Анасян.

Р. Б.

I. DUJČEV. LES SLAVES ET BYZANCE.

Études historiques à l'occasion du XI-e Congrès international des sciences historiques. Stockholm, août 1960, I. Sofia, 1960, p. 31—77

Статья известного болгарского ученого И. Дуйчева является сокращенным изложением введения к подготовляемой им книге «Slavo-Byzantina», которая должна содержать анализ всех византийских источников по истории славянства. Задача Дуйчева — дать суммарную характеристику взаимоотношений Византии с южными, восточными и западными славянами.

Дуйчев начинает с рассмотрения политических отношений между славянами и империей, справедливо выдвигая на передний план не столько военные столкновения между ними, сколько договоры, регулировавшие мирные связи. Первый этап славяно-византийских отношений приходится, согласно Дуйчеву, на VI—VII вв., когда уже начинают формироваться «подлинные славянские княжества» (стр. 34), новый начинается со второй половины VII в. — со времени образования первых славянских государств. К сожалению, Дуйчев рассматривает всю эпоху после VII в. как единый этап, не выделяя внутри него отдельных периодов, хотя, разумеется, соотношение

между империей и славянами складывалось по-иному в VIII—X, в XI—XII или в XIII—XV столетиях.

Специально, но очень кратко, затрагивает Дуйчев вопрос о русско-византийских отношениях. Здесь следовало бы отметить еще военную помощь, оказанную русскими в конце 1047 г. Константинополю, осажденному мятежными войсками Льва Торника, о чем упоминает Иоанн Мавропод¹. Специального внимания заслуживал бы также вопрос о взаимоотношениях Византии с Тмутараканской Русью в XI—XII вв.

Вопрос об экономических отношениях Византии и славян, как правильно отмечает автор (стр. 41), еще недостаточно изучен. Для решения этого вопроса многого можно ждать от нумизматики и археологии; необходимо также систематизировать все спорадические упоминания славяно-византийской торговли не только в греческих и славянских, но и в восточных письменных источниках².

Дуйчев подробно останавливается на церковных связях Византии и славян [на мой взгляд, они настолько тесно переплетались с политическими отношениями, что разделение этих двух аспектов остается несколько искусственным; впрочем, и сам Дуйчев признает их связь в ряде конкретных случаев (см., например, стр. 44)], а также на влиянии Византии на литературу славян. Правильно признавая значение византийских традиций в славянской литературе, Дуйчев, по-моему, преувеличивает их влияние, когда пишет: «В средние века любой литературный памятник южных и восточных славян неотделим от византийской литературы» (стр. 51). Соответственно мне кажется несколько односторонней оценка еретического движения в славянских странах как направленного (только?) «против политического, религиозного и культурного преобладания Византии» (стр. 53).

Подробно и убедительно прослеживает Дуйчев византийское влияние на славян в области языка, в архитектуре и изобразительном искусстве, в одежде и придворном церемониале. Особо следует подчеркнуть, что Дуйчев признает влияние славян на социальные преобразования в Византии VII—VIII вв. (стр. 67).

Ценное исследование Дуйчева затрагивает почти все стороны славяно-византийских отношений. Следовало бы, впрочем, остановиться еще на судьбе славян внутри Византийской империи, а также на взаимном влиянии в сфере производительных сил. Тщательно выверенные факты и подробная библиография³ делают статью Дуйчева удобным справочником. Вместе с тем рецензируемая статья показывает, насколько недостаточно до сих пор изучены некоторые важные стороны византино-славянских и византино-русских отношений.

A. K.

G. L. SEIDLER. SOZIALE IDEEN IN BYZANZ.
„Berliner byzantinistische Arbeiten“, Bd. 24, 1960, S. 70

Проблема идеологии византийского общества является наименее разработанным разделом марксистского византиноведения. Между тем именно в этой области западные историки развивают большую активность, стремясь рассматривать с идеалистических, даже с мистических позиций господствовавшие в Византии идеи и не обращая внимания на идеологию угнетенных классов. Поэтому нужно приветствовать появление исследования, посвященного идеологии не только господствующего класса Византии, но и антифеодальным выступлениям, скрытым в еретических движениях.

В предисловии Зейдлер (профессор истории права в Люблинском университете им. М. Кюри-Склодовской) ставит своей задачей показать с точки зрения классовой борьбы и политически-правовых институтов не только генезис идей, но и их действительность в византийском обществе.

В первой главе, озаглавленной «Восточная империя», автор пытается дать обзор исторического развития Византии. Основное своеобразие византийской истории автор видит в том, что на Западе центральная власть оказалась полностью в зависимости от крупных землевладельцев, тогда как на Востоке при наличии постоянной борьбы финансовой аристократии против землевладельческой в большой мере чувствовалось значение центрального правительства (стр. 17). Проникновение славянского элемента не только не ослабило власти правительственного аппарата, но даже укрепило его, что задержало развитие процессов феодализации на Востоке (стр. 14). «На Востоке, — пишет автор, — благодаря бдительности императоров крупное зем-

¹ I o h a n n i s E u c h a i t a r u m Metropolitae quae supersunt, ed. P. de Lagarde. «Abhandl. der hist.-philol. Cl. der Gesellschaft der Wiss. zu Göttingen», Bd. XXVIII, № 1, 1882, № 186, § 61, 66.

² См., например, о русских товарах в Анатолии XIII в.: Cl. S a h e n. Le commerce anatolien au debut du XIII-e siècle. «Mél. d'hist. du moyen âge dédiés à la mém. de L. Halfan». Paris, 1951, p. 92 sq.

³ На стр. 40, прим. 51 — не Бернштам-Коган, а Бернштейн-Коган.